

Ярослав Кичапо

Ироничный детектив Горький миндаль в Сестроречке

18+

Ярослав Кичало

**Ироничный детектив Горький
миндаль в Сестрорецке**

«Автор»

2026

Кичало Я. Я.

Ироничный детектив Горький миндаль в Сестрорецке /
Я. Я. Кичало — «Автор», 2026

Что делать, если убийство происходит на застеклённой веранде роскошной дачи в Сестрорецке? Вокруг — вековые сосны, дефицитный чешский хрусталь, номенклатурный балык и верхушка ленинградской богемы. Жертва — непризнанный поэт, а главные подозреваемые — лауреат Государственной премии, его молодая жена с причёской «баббета» и суровый партийный цензор. Здесь обычный милицкий протокол пасует перед телефонным правом и громкими именами. На этот случай у Сестрорецка есть свое тайное оружие — Анатолий Борисович Палкин. Бывший следователь прокуратуры.

© Кичало Я. Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 Лауреатский паникёр и оса под стеклом	6
Глава 2 Яд и чернильные пятна	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ярослав Кичало

Ироничный детектив Горький миндаль в Сестрорецке

Предисловие

Советский детектив эпохи застоя — жанр строгий, как выговор по партийной линии. В журналах «Юность» или «Подвиг» образца 1978 года всё было предсказуемо. Если совершалось преступление, то раскрывал его подтянутый инспектор с комсомольским значком и безупречной анкетой. Преступником непрерывно оказывался либо заезжий тунеядец, либо недобитый шпион.

Но что делать, если убийство происходит на застеклённой веранде роскошной дачи в Сестрорецке? Вокруг — вековые сосны, дефицитный чешский хрусталь, номенклатурный балык и верхушка ленинградской богемы. Жертва — непризнанный поэт, а главные подозреваемые — лауреат Государственной премии, его молодая жена с причёской «баббета» и суровый партийный цензор. Здесь обычный милицейский протокол пасует перед телефонным прайдом и громкими именами.

На этот случай у Сестрорецка есть свое тайное оружие — Анатолий Борисович Палкин. Бывший следователь прокуратуры, отправленный на пенсию за патологическую честность. Внешне он похож на унылую серую цаплю в выцветшей панаме и сандалиях на толстый носок. В кармане его плаща лежат три шариковые ручки, две из которых давно засохли. Зато его проницательный ум и сорокалетний стаж способны моментально распутать любой клубок из дачных интриг, чужих стихов и семейных тайн.

Эта история — ироническая хроника одного вечернего расследования. Это детектив, в котором дутое писательское величие рушится из-за одного пустяка, а главными уликами против убийцы становятся фиолетовые чернила, кустарный яд и полное пренебрежение правилами личной гигиены.

Добро пожаловать в июль 1978 года. Курортный сезон в Сестрорецке объявляется открытым.

Глава 1 Лауреатский паникёр и оса под стеклом

Июльский зной 1978 года плавил асфальт Сестрорецка с усердием первоклассника, дорвавшегося до пластилина. Воздух курортного городка под Ленинградом, густо замешанный на запахах сосновой смолы, жареного шашлыка и дорогого партийного парфюма, казался осязаемым. В воздухе висело предвкушение чего-то монументального.

На ведомственной даче писателя-лауреата Евтихия Сигизмундовича Корнеплодова гремел банкет. Поводом служило получение Государственной премии за роман «Оса на розе» — кирпич в четыреста страниц, призванный доказать, что советский человек духовно выше любого западного шпиона.

Анатолий Борисович Палкин сидел на соседском, гораздо более скромном участке, под раскидистым кустом чёрной смородины. Бывшему следователю прокуратуры исполнилось шестьдесят два года, и внешне он удивительным образом напоминал серую цаплю, решившую провести отпуск в человеческом обличье. Он был высоким, сутулым и обладал тем самым пронизательным, слегка утомлённым взглядом, который бывает только у людей, повидавших в жизни всё: от хитроумных кассовых растрат до дефицитной колбасы по два двадцать. На Палкине красовалась выцветшая панاما, синий сандаловый плащ эпохи ранней оттепели и сандалии, надетые на толстый шерстяной носок. Из кармана плаща неизменно торчал блокнот за сорок четыре копейки и три шариковые ручки, две из которых давно высохли, но хранились «на всякий пожарный».

В данный момент Анатолий Борисович пытался реанимировать старый транзисторный приёмник «ВЭФ». Приёмник хрипел, как заядлый курильщик со стажем, и наотрез отказывался ловить что-либо, кроме глушилок.

Вдруг со стороны лауреатской дачи раздался звон бьющегося чешского хрусталя. Следом раздался визг такой ультразвуковой частоты, что с вековых сестрорецких сосен посыпались шишки. Через минуту у забора Палкина, с треском ломая кусты малины, вырос сам виновник торжества.

Евтихий Сигизмундович Корнеплодов представлял собой живой памятник советскому благополучию. Это был пятидесятивосьмилетний мужчина с величественным тройным подбородком и пышными усами, напоминающими щётку для чистки дорогой обуви. Одет он был в заграничный шёлковый халат, неосмотрительно наброшенный поверх кремовых брюк из спецраспределителя. Пахло от писателя импортным одеколоном «Консул» и вечным, глубоко запрятанным страхом номенклатурного разоблачения. В данный момент его усы растрепались, а подол халата намертво зацепился за колючку малинового куста.

— Анатолий Борисович! Родненький! Выручай! — запричитал лауреат, пытаясь протиснуться сквозь штaketник и одновременно спасти шёлк. — Там... на веранде... Юрочка. Поэт. Готов.

Палкин не спеша отложил отвёртку, снял панаму и тщательно вытер лысину носовым платком в крупную клетку.

— Что значит «готов», Евтихий Сигизмундович? Стихи к съезду дописал или просто перебрал казённого коньяка за ваш счёт?

— В том-то и ужас, что навсегда готов! Синий весь. И стакан рядом... коктейль из бледной поганки, не иначе! Зайди с калитки, Христа ради, только тихо!

Через три минуты Палкин уже стоял на просторной застеклённой веранде корнеплодовской дачи. У плетённого кресла на полу веранды, раскинув руки, лежал молодой поэт Юрий Лисицын. Лицо его выражало крайнее изумление, какое бывает у советского человека, впервые увидевшего в магазине двухкамерный холодильник «Розенлев».

В зажатом кулаке покойного поблёскивала серебряная брошь — крупная оса с брюшком из тёмного янтаря.

— Так, — Палкин присел на корточки, кряхтя старыми суставами. — Милицию, разумеется, не вызывали?

— Какая милиция, Толя?! — Корнеплодов судорожно схватился за область сердца, где под халатом прятался членский билет Союза писателей. — У меня в гостиной сидит замзав отделом культуры ЦК и референт из министерства! Если они узнают, что у меня на даче травят диссидентствующих элементов, мою «Осу на розе» снимут со второго тиража! Меня же в Союз писателей из-за этой осы еле пропихнули!

— Из-за этой? — Палкин указал кончиком ручки на брошь в руке мертвеца.

— Нет, из-за романа! — закричал писатель, но тут же испуганно прикрыл рот ладонью.

В дверях веранды появилась Калерия Андреевна Корнеплодова. Третья жена лауреата была на тридцать один год моложе супруга и несла свою красоту как транспарант на первомайской демонстрации. Тонкая, как камыш, с причёской «баббета» и стрелками на глазах, уходящими к самым вискам, она выглядела завсегдатаем закрытых показов Дома моделей. Калерия была одета в полупрозрачное платье из дефицитного индийского марлевого хлопка и три слоя тяжёлых янтарных бус. Она манерно держала бокал с шампанским, отставив мизинец, и непрерывно курила сигареты «Космос» через длинный мундштук. На её левом плече отчётливо виднелся более светлый след на ткани — как раз там, где обычно прикалывают тяжёлые броши.

— Ой, — сказала Калерия, равнодушно разглядывая труп сквозь сизый дым. — Юрочка всё-таки допился. Я всегда говорила, что его стихи — чистый яд. Оказывается, не только стихи.

— Калерия Андреевна, — Палкин поднялся, поправляя синий плащ. — Ваша вещица? — Он кивнул на серебряную осу.

— Моя, — легко согласилась она. — Вчера потеряла. Наверное, Юрочка нашёл и хотел вернуть. Он был такой чуткий мальчик. Из хорошей семьи, папа в Торгсине работал, мандарины домой коробками носил.

— И часто этот чуткий мальчик лазил по вашим комодам в поисках потерянных украшений? — прищурился Палкин.

— Анатолий Борисович, вы намекаете на адюльтер?! — взвился Корнеплодов, усы которого сердито встали дыбом. — В моём доме?! Да я... да мы с Калечкой — образцовая советская семья! Нам путёвку в Болгарию дают в августе! Варна, Золотые пески! Какой адюльтер перед заграничной поездкой?!

Палкин подошёл к столу, взял пустой бокал, лежащий возле руки Лисицына, и осторожно понюхал его.

— Коньяк «Камю». Экспортный. И лёгкий аромат горького миндаля. Евтихий Сигизмундович, у вас в романе главврач санатория травит буржуазного шпиона именно цианистым калием. Какое совпадение, а? Литературный реализм в действии.

— Это не я! — прошептал писатель, бледнея до цвета кабачковой икры первого сорта. — Я вообще химию в школе прогуливал! Мне эту тринадцатую главу Юрка сам и написал... За тридцать рублей и демисезонное пальто с моего плеча!

На веранде повисла звенящая тишина. Слышно было только, как за стеклом настойчиво жужжит настоящая, живая оса, застрявшая между пыльными рамами.

Глава 2 Яд и чернильные пятна

Пока на веранде разворачивалась драма шекспировского масштаба с советским колоритом, из главного зала дачи продолжал доноситься беззаботный гул голосов. Там звенели фужеры, кто-то звучно цитировал передовицу «Правды», а из чехословацкой магнитолы «Тесла» доносился томный голос Аллы Пугачевой, обещавший, что «арлекино нужно быть смешным для всех». Однако для обитателей веранды цирк уже закончился, и на арену вышли хищники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.